



Марина Киреника

с комментариями
автора

2024

Эйгологический
роман

18+

Марина Киреника

**Эйгологический роман
с комментариями
автора. Новая редакция,
расширенная и дополненная**

«Автор»

2024

Киреника М.

Эйгологический роман с комментариями автора. Новая редакция, расширенная и дополненная / М. Киреника — «Автор», 2024

Восемь лет назад вышла в свет первая редакция Эйгологического романа. Она вызвала интерес у всех, кто ожидал прочесть интересную историю, в которой герои раскрываются в своём неповторимом энерготипе - эйге (свойство тонкой энергии человека). Но, возникло важное обстоятельство. Понять и оценить этот роман смогли только люди, непосредственно связанные с психологией, таро, эзотерикой, и хоть что-то уже знающие об эйгологии. Поэтому автор решила сделать Вторую редакцию, снабдив её своими комментариями и примерами из опыта. Теперь книга будет понятна и полезна всем! Листая страницы романа, читатель обнаружит, что всеми поступками, желаниями, стилем поведения и целями персонажей руководит их тонкая энергия, их энерготип (эйг). Так, через увлекательный сюжет приключения, читатель начинает своё знакомство с эйгологией. Два мира, соседствующие в романе, раскрывают свойства эйгов с разных сторон и позволяют читателю также найти ответы на собственные жизненные вопросы.

© Киреника М., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Отзывы читателей	5
От автора	7
Действующие лица, их эйги и разное	10
Глава 1. Что это было?	12
Глава 2. Эльфийская рапсодия	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Марина Киреника

Эйгологический роман с

комментариями автора. Новая

редакция, расширенная и дополненная

Эйг – энерготип человека, делающий его неповторимым и способным пользоваться энергией, силой и знаниями из Тонкого мира.

Отзывы читателей

Наталья Абысова

Марина! Это настолько необычный роман для меня во всех смыслах: и деликатный и страстный одновременно! Я ждала с нетерпением каждую главу!

Конечно, буду перечитывать и находить все новые грани!!!

Татьяна Ткачук

Спасибо! Роман прекрасен и захватывает с первых страниц и не отпускает до конца! Переплетение сюжетных линий так будоражит воображение, что хочется перечитывать и смаковать. Удачной дальнейшей работы.

Анна Павич

Прочитала на одном дыхании! с первого предложения словно провалилась в сказку и прожила всё вместе с героями. так интересно, как же дальше сложится жизнь Ноны и Милы. Очень понравилось гармоничное переплетение эйгологии, таро, кристаллов и человеческих судеб. А глава про чёрточки отозвалась где-то глубоко в душе. Жду продолжения! И я как позитивный и временами созидающий Фрейстанди ответственно заявляю, что такие существуют!)))) Тьма тоже бывает разной.

Мария Конрад

Звучит как заключительный аккорд, но есть стойкое чувство, что всё еще только начинается... Марина, спасибо за роман – чудесный слог, интригующий сюжет, философский смысл – о чём еще можно мечтать...

Светлана Олькова

Читала Вашу новую книгу вчера – о оторваться не могла!!! Давно я не ложилась за полночь из-за книги! Это то, что я хотела, ждала и такое чувство, что предвкушала! Спасибо! впервые за кучу времени я зарядила планшет и жду сладкого момента, когда приеду домой, заварю чай, заберусь на диван и погружусь в чтение новой главы.

Ирина Севастьянова

Мой понедельник стал самым значительным днём! Как когда-то в детстве обведу это число красным кружочком, чтобы помнить те минуты, когда передо мной в виде слов показались образы и началась захватывающая дух история... с нетерпением после прочтения двух глав делилась друзьями впечатлением о прочитанном и тут... о, радость! Появилась третья

глава... Более удивительных чувств не было уже давно, и мне жалко расставаться даже на минуту, с этими прекрасными героями книги Киреники. хочу продолжения уже сейчас, сию минуту!!!

Дорина Маринчу

В Вене, в промежутках между осмотром достопримечательностей захлёб читаю Вас, Марина! Спасибо! Давно не испытывала такой эйфории при чтении! Спасибо, спасибо, Спасибо!

Орли Нейман

Я теперь чаще людей разглядываю на предмет эйгов))) Интересно, сколько Форнтов всевозможных среди неординарных людей. Как говорится, если сомневаешься, посмотри в их глаза. А Форнты-маги впасче... мурашки по коже...

Виктория Арефьева

Всё интересней и интересней!.. Кажется, что присутствуешь в каждом моменте вместе с героями)) А сами герои – иллюстрация (хочется написать живая!) эйгов!

От автора

Дорогие читатели!

Перед вами исправленная, расширенная и дополненная редакция Эйгологического романа. Даже те из вас, кто уже успел познакомиться с его героями в 2016 году, найдут для себя что-то новое в истории Милы и Ноны.

Приготовьтесь к тому, что действие будет развиваться параллельно в двух мирах. Первый – наш сегодняшний мир, жизнь людей, их радости и печали. Другой – мир Таро и эйгологии, где действуют персонажи, прямо сошедшие с карт известной колоды. Что связывает эти миры и разворачивающиеся в них сюжеты? Конечно, эйгология. Все герои романа в обоих мирах – эйги, носители своих энерготипов. Они отличаются друг от друга тем, как любят и как ненавидят, обманывают и спасают, страдают и радуются. Одинаковые энерготипы – похожи в обоих мирах и читателю будет интересно обнаружить их сходство, точно так же, как обнаружить различие в поведении и поступках других эйгов.

Читатели, знающие Таро, получат особое удовольствие, поскольку все без исключения герои пришли в роман из колоды "Позолоченное (или Золочёное)Таро Чиро Маркетти. С их принадлежностью к картам, читатель познакомится в следующей главе "Действующие лица..."

Мой совет – просто погружайтесь в действие, обнаруживайте сходство героев со знакомыми вам людьми и позволяйте себе достраивать сюжет самостоятельными вариантами.

Это может стать увлекательной игрой, ведущей вас в необыкновенно важное для повседневной жизни пространство тонкой энергии людей – эйгов, – как бы на первый взгляд парадоксально это ни звучало.

Признайтесь, вы же всегда знали, что с вами всё «не так просто», что в вас есть особенная сила и какие-то, отличающие от других, способности?

Эйгология – наука об энерготипах человека (эйгах) поможет вам не просто обнаружить эти свои уникальные свойства, но и научиться ими пользоваться.

Для начала, позвольте познакомить вас с одиннадцатью эйгами, у которых есть собственные свойства и различия.

Так случилось, что терминология в эйгологии исландская. Историю о том, как и почему это произошло, если вам интересно, можете прочесть в моей книге «Эльфы и Гоблины, мои друзья и не очень» здесь же, на Литрес. Поэтому, не удивляйтесь новым словам, а произнесите каждое вслух, покатайте на языке и прислушайтесь к красоте их звучания. Своими мелодикой и ритмом эти слова мгновенно настроят ваше восприятие на энергию нужного эйга.

Скинанди (Светящие)

Служение миру через слияние с ним и живущими в нём. Предельная простота и лаконичность, свет света, ясность и яркость. Концентрация и очевидное целеполагание. Замкнутая на своей миссии линейность. Целостность и цельность, рождающая жёсткость. Ясность. Ограниченность манёвра. Отсутствие светотени. Совершенствование и отрицание себя. Порядок.

Есть боевые Скинанди и Скинанди-целители.

Фрейстанди (Искушающие)

Преобразование мира через конфликт старого и нового. Контраст внутреннего и внешнего. Внутренняя определённая и внешняя неочевидность. Яркое целеполагание. Концентрация на своих идеях и интересах. Внешняя открытость – внутренняя закрытость. Структурирование хаоса. Могущество тайны. Прогресс.

Глазилегюры (Изящные)

Совершенная эстетичность. Вариативность картины мира и самореализации. Искристость и мерцание. Завораживающий фейерверк. Полутона и обертоны. За пределами системы. Искусство использования. Парадоксальность. Инновации.

Бьёргунармы (Спасительная рука)

Сила уверенности. Дерзость. Бескомпромисность. Движение к цели. Артистизм. Короткие, обозримые задачи. Коллективизм. Отвага. Грубость. Устойчивость картины мира. Выживаемость. Непримируемость. Исполнительность. Служба.

Стьёрны (Ведающие, управляющие – только женщины)

Сила доверия и доверительности. Древний опыт общения с тонким и плотным мирами. Использование силы по запросу. Красота земной энергии. Золотые руки. Поддержка и ведение. Кормление и внимание. Отсутствие самоконтроля. Импульсивность. Понимание. Чуткость. Манкость.

Софнуны (Коллекция, полнота)

Многогранность и разнообразие. Целенаправленное наращивание объема. Основательность и непредсказуемость. Зависимость от посторонних влияний. Стремление к материально выраженному признанию. Самодостаточность зрелости. Самонадеянность. Накопление по выбору. Ориентация на земной успех. Стабильность в проявлениях.

Анди (Духи Природы)

Воплощение энергии природного явления или объекта. Выражение особого статуса части природы. Разное наполнение и направленность. Специфика адаптации в мире. Баланс стихии в её многообразии. Точка равновесия в системе. Отстранённость. Высокая чувствительность. Ясность.

Рюги (Спутанность)

Мастерство манипуляции и игры. Создание обволакивающей среды. Точечное колкое воздействие. Вязкость отношений и поведения. Низкая рефлексия. Предубеждения. Инициатива катастроф. Провокация. Высокая изворотливость и адаптивность. Завуалированность намерений. Мутность. Амбиции.

Форнты (Древние)

Индивидуализм. Самостоятельность. Обособленность. Замкнутость. Гневливость и ярость. Концентрация на деле. Владение мета-информацией. Невидимость. Инерционность. Способность вдохновлять и оживлять Словом. Разящая энергия. Лицемерие. Равнодушие. Слабая адаптивность. Исключительность.

Сианди (Видящие – только мужчины)

Мастерство прогнозирования любых, в том числе отдалённых, изменений. Построение систем высокой сложности. Визионерство. Романтичность. Интеллигентность. Непрактичность. Низкая коммуникабельность. Высокая порядочность. Психическая лабильность. Экстраординарность. Слабая социализированность.

Могулейги (Потенциал)

Практичные жизненные задачи. Дружба. Род, предки, потомки. Родина, сообщество, язык, вера. Добыча пищи и жилья. Ориентация на авторитеты. Изучение начальных законов

мироздания в их ежедневном применении. Открытие простых истин. Законы социума. Масовость. Предчувствие чудес.

Возможно, вы уже сейчас нашли свой энерготип или распознали эйг кого-то из своих близких?

Герои романа наделены свойствами эйгов, как и все без исключения, живущие на нашей Земле!

Названия эйгов персонажей в главе Действующие лица. Вы всегда можете открыть и посмотреть Кто есть Кто.

Действующие лица, их эйги и разное

(в порядке появления в романе)

Все персонажи из эйго-тарологического мира (ЭТМ) были случайным образом приглашены из колоды Чиро Маркетти "Золочёное Таро"

Кира – таролог, Форнт.

Квинто Гладио – пятый меч, (лат.), Мастер Школы Мечей. Имя появилось от аркана Таро – 5 мечей. Первый аркан, вышедший из колоды "Золочёное Таро" Чиро Маркетти. Он определил характер первого героя в эйго-тарологическом мире (ЭТМ). Боевой Глазилегюр.

Файфрейс – пять лучей (англ.). Король семьи Земли. Пентакль – пятиконечная звезда, вписанная в окружность монеты, символ масти Пентаклей/стихия Земля. Король Пентаклей (ЭТМ) Софнун.

Гарда – подруга Квинто Гладио. Часть холодного оружия, защищающая кисть руки фехтующего. Имя подруги Квинто Гладио, отражает характер подруги мастера фехтования. 2 Мечей (ЭТМ) Анди Стали.

Влад – художник, Глазилегюр.

Мила – Скинанди.

Катя – знакомая Милы, Глазилегюр.

Евгений Андреевич – дирижёр, отец Милы. Софнун.

Павел Вениаминович Степанов – мастер. Бьёргунарм.

Марина Юрьевна – врач-психиатр, бабушка Милы, Форнт.

Инна – маникюрша. Глазилегюр.

Нона – принцесса семьи Земли. Девять (нона) – название девятиступенного музыкального интервала. 9 Пентаклей (ЭТМ) Скинанди.

Шут – Нулевой Старший Аркан (ЭТМ). Сианди, проводник.

Халас – (араб.) – маг, астролог, провидец. Конец (халас) – окончательно принятое решение. Имя мага означает, что он является конечной точкой и последней инстанцией, позволяющей разрешить сомнения, завершить размышления решением и начать действовать. Старшие Арканы: I Маг и XIII Смерть. (ЭТМ) Форнт.

Фулстеп – принц восточного сопредельного королевства. От fool step (англ.) – шаг Дурака. Нулевой Старший Аркан. (ЭТМ) Глазилегюр.

Мирдред – король западного сопредельного королевства. Имя, в основе имеющее слово Мир – 21 Старший Аркан. В этом аркане раскрывается абсолютное воплощение любого эйга, достигшего гармонии своей энергии и мира. (ЭТМ) Фрейстанди.

Динарий – Первый министр двора Монет. От денарий – монета, обозначение Туза Пентаклей, пришедшего для характеристики этого героя. (ЭТМ) Сианди.

Особняк Монфerrана в Санкт-Петербурге – Дом Композиторов.

Ресторан “Тепло” – примыкает к особняку Монфerrана, фактически располагаясь в ансамбле его зданий.

Михаэль – оперный певец, Скинанди.

Бандиты в таверне – Бьёргунармы (низкие частоты) (ЭТМ)

Нищий и нищенка – 5 Пентаклей. (ЭТМ) Рюги (низкие частоты)

Экси – хозяйка придорожной таверны. От греческого числа шесть, связано с Младшим Арканом 6 Пентаклей. (ЭТМ). Стъёрна.

Мендикус – работник в таверне, от латинского – попрошайка. (ЭТМ) Рюг.

Элмс – название города, от английского “alms” – милостыня, подаяние, милосердие, благотворительность, связано с 6 Пентаклей.

Пенгартан – (индонезийский) – познание. Столица Семьи Воды, где находится Двор Чаш. Туз Кубков.

Санракшак (хинди) – покровитель, имя Короля Чаш. Появится в продолжении.

Маша – племянница Киры. Форнт.

Хакмаррес (албанский) – мститель. (ЭТМ) Фрейстанди (низкие частоты)

Мизерикордия – кинжал милосердия, применялся в Европе, начиная с 11 века для добивания поверженного противника, чтобы избавить его от смертных мук.

Иджё (китайский) – лекарь. 17 Старший Аркан – Звезда. (ЭТМ) Скинанди-целитель.

Чириоши (японский) – лекарь, Тройка Чаш (ЭТМ) Фрейстанди.

Гуариторе (итальянский) – лекарь – хирург, Тройка Посохов. (ЭТМ) Фрейстанди.

Sopor corpus, vigilante mente (лат) – сон тела, бодрствование разума.

Mens fuerit expergefactus, vacua est corpus videtur (лат) – Хоть разум бодрствует, но тело мёртвым кажется.

Ниюнда (исл) – девятая, имя Королевы Монет, станет именем Ноны.

Грайнбург – (исл.) Зелёный город, название столицы Королевства Монет, Семьи Земли.

Глава 1. Что это было?



Длинный, пронзительный, прерывистый звук мог свести с ума кого угодно, только не её. Пунктирное жужжание по выматыванию нервов было сравнимо с назойливой мухой, но на дворе зима, и никакой мухи в помине не было. Последняя из них околела дремала меж оконных стёкол, задрав кверху лапки. А может, она сдохла. Какая разница. Ззззз-ззззз принадлежало дверному звонку, а не ей, бедняге.

Кира не любила неожиданных гостей. Не то, чтобы ей не нравились неожиданности, она в них жила, как микробы в чашке Петри, но в отличие от микробов, она сама решала когда и кому позволительно открыть крышку, чтобы полюбоваться на неё или начать ставить над ней опыты. В том смысле, что она по собственному усмотрению открывала или не открывала входную дверь, равно как и игнорировала время от времени телефонные звонки.

Сейчас желания идти к двери не было, а со своими желаниями надо считаться. Мало ли кому она понадобилась? Это не её дело. У неё принцип – сначала договорённость, потом визит. А иначе можно превратиться в троллейбус кольцевого маршрута. Как там пелось? “Дорога без конца, дорога без начала и конца”.

Никуся подняла голову. Посмотрела мутными со сна глазами и широко зевнула, показав сломанный левый клык. “Ну, что? Не будешь откrrrrrrrrрывать? И прrrrrrrравильно! Прrrrrrrрипрутся и трrrrrrrррезвонят”. Сладко во всю пушистую длину потянулась, медленно свернулась калачиком, уложив хвост, закрыла глаза и для большего комфорта прикрыла нос лапой.

Трезвон между тем продолжался.

“Пойду-ка я чаю поставлю, кажется остался кусок вчерашней запеканки”. Кира и вправду не всегда помнила, что у неё в холодильнике, поскольку это было совершенно не важно. Иногда с удивлением обнаруживала за какими-то пластиковыми контейнерами или пакетами завалявшийся творог, или кусок не понравившегося ей сыру, или половинку шоколадки, уж не говоря,

о скисшей зелени. Зелень она покупала с маниакальным упорством истой вегетарианки и не ела никогда. Ждала пока скиснет, ругала себя и выбрасывала, чтобы снова купить пакет с петрушкой, укропом и базиликом до следующей отправки в мусор. Единственно мята избегала печальной участи, её она заваривала и делала потом ледяные кубики для умывания.

Запеканка действительно осталась. Положить её на тёплую тарелку, пусть слегка согреется. Кипятком ополоснуть чайник. А теперь медленно вздохнуть и начать колдовать над чаем. “Что будем пить, уважаемая Кира Францевна?” Ага! Щепотка розовых бутонов, хорошо..., чуть поменьше щепотка цветков лаванды, совсем немного шалфея. Добавить, пожалуй, семян укропа для пользы и аромата? Конечно. Мята? Нет, мяты не надо. Этого достаточно. Заливаем. Теперь, выбор чашки. “А, впрочем, не буду сегодня выбирать. Возьму традиционную, мою, с драконом”.

Чашка была самая настоящая китайская, правильного императорского фарфора. Дракон был нарисован снаружи и внутри чашки. Золото переплеталось с огненными красками желто-оранжево-красного и оттенялось чёрным в чешуе и контурах крылатого красавца. В зимнюю промозглую пору эта волшебная чайная пара, где блюдце было расписано точно таким же рисунком, что и чашка, магическим образом согревала при одном взгляде на неё.

Салфетка на подносе, чашка, чайник, запеканка.

Она не ленилась сервировать для себя. Не потому, что так надо, а просто приятно и красиво. Зажгла свечку на столе...

“Да, Боже ты мой, сколько можно! Идиотизм и навязчивость некоторых не уступают даже моей нереальной выдержке. Уж я приглашу сейчас тебя на чай!” Стремительные шаги к двери, по дороге чуть не сшибла в сердцах этажерку с коллекцией минералов, поворот ключа в замке и... в распахнутом проёме никого. Пусто. А ведь звон еще продолжает отдаваться эхом в ушах. Кто это мог быть? Или может точнее надо спросить – Как это могло быть? А может и вовсе – Что это было?

“Не удивительно. Мне хотелось, чтобы оно закончилось? Оно и закончилось! Ура! Можно переходить «к водным процедурам», а именно, к любимому чаю. И теперь уж, несомненно, с удовольствием”.

Аромат из чашки нежно и тонко поплыл по комнате, запеканка растворилась во рту. “Нет, ну в самом деле, что за ерунда? Может закоротило контакты?” Кира по опыту знала, что простые объяснения только тогда хороши, когда после них возникает чувство глубокого удовлетворения – всё объяснено верно. “Да, закоротило, ну и что такого?” Но, если вместо вкуса прекрасной творожной запеканки во рту появился неприятный металлический привкус, всё, пиши пропало, и чай становится не в чай.

Кира не была бы тарологом, если бы не понимала очевидных вещей: во первых, с нами происходит только то, что должно происходить именно с нами; во вторых, все события имеют свой смысл, а если мы его не видим или не находим – это не очень здорово; в третьих, найдя верное объяснение, быстро начинаешь понимать как поступать дальше, а это, как правило, радует.

К тому же Кира давно знала за собой свойства Форнта-алхимика, что по эйгологическим меркам давало ей право на многое: дозировать общение, относиться ко всему с прищуром, жить собственной моралью и ограждать себя от назойливых соискателей, желающих под благовидным или не очень предлогом своровать её время.

«Так и поступай, мой Луцилий! Отвоюй себя для себя самого, береги и копи время, которое прежде у тебя отнимали или крали, которое зря проходило. Сам убедись в том, что я пишу правду: часть времени у нас отбирают силой, часть похищают, часть утекает впустую. Но позорнее всех потеря по нашей собственной небрежности. Вглядись-ка пристальней: ведь наибольшую часть жизни тратим мы на дурные дела, немалую – на безделье, и всю жизнь – не на те дела, что нужно...». Луция Аннея Сенеку она любила беззаветно, первое из его «Нравствен-

ных писем» знала наизусть с ранней юности и цитировала при каждом удобном случае. Первое письмо сформировало её жизнь, так она считала, избрав первую строку своим Кредо. Давным-давно она додумалась, что Луцилий – адресат писем, на самом деле вымышленная фигура, философ писал письма себе самому. Луций – Луцилий. Письма с нравоучениями, наставлениями себе! Как это по-форнтоовски! «Не могу же я, в самом деле, позволить кому-то наставлять меня, даже смешно. Советовать или обсуждать, приводить примеры или лучше ставить передо мной проблемы – еще куда ни шло. О! Только попробуйте начать наставлять меня и я сделаю всё наоборот, или вообще ничего не стану делать. Нет, не из вредности, ни в коем случае. Просто, таково моё свойство. Я – эйг. И мой эйг – Форнт!». Чуть позже она открыла для себя «Духовные упражнения Игнатия Лойолы» и это стало началом её входа в медиевистику – изучение Средневековья...

Однако, для чего в её дверь раздался такой странный звонок? “Вот сейчас допью и “посмотрю”.

Под “посмотрю” она подразумевала – взять колоду Таро, расстелить скатерть и, наметив позиции расклада, получить ответ на свой вопрос. От кого? От высших сил, Вселенной, Мирового разума, Больших, как она их привычно называла, в общем от тех или от того, кто с какой-то целью выпускает людей в этот мир, ожидает от них чего-то, иногда в чем-то помогает и неизменно позволяет, пусть с ошибками, пройти каждому свой путь до конца, в той или иной степени удачно.

Кира всегда трепетно предвкушала момент появления колоды в руках, поскольку никогда наперед не знала, какая именно из её коллекции захочет сейчас работать с ней. Она каждый раз ловила откровение, связанное с энергетикой, стилистикой, происхождением и содержанием колоды. Практически, всё, как с людьми. Разница состояла лишь в особом предчувствии волшебства. Кира была убеждена, что заранее, “по собственному велению” выбрать колоду невозможно, да и не правильно. Колода обнаружит себя сама, как только прозвучит в сознании запрос, и каждый раз колода и запрос будут очень точно соответствовать друг другу. Даже если этот запрос еще туманный, неясный – колода сама разберётся, что он относится именно к ней. Ей, колоде, виднее. Одинаково невозможно было предугадать каким получится расклад и что доведётся прочесть в ответе.

Кира прикрыла глаза, откинулась на спинку стула, запрокинула голову. Золотые блики зашекетали ресницы, яркие краски замелькали в быстром калейдоскопе. Прекрасный Чиро, изысканный итальянец – Чиро Маркетти, его Золочёная колода. Хорошо. Значит, не истеричная Рюга была у двери и не депрессивный психопат-Бьёргунарм, уже приятно. Судя по выбору колоды всё не так уж плохо. Спасибо, что именно она пришла сейчас пооткровенничать и раскрыть тайну странного звонка.

С сожалением отхлебнув последний ароматный глоток, Кира прошаркала вязаными тёплыми “валенками” в кабинет. Дивное местечко. Входя сюда, она не могла удержаться от вздоха удовольствия. Вот он – мир её незыблемого спокойствия и баланса. Её охватило чувство, сравнимое с тем, которое, вероятно, испытывают весы, проходя точку абсолютного равновесия. Если бы весы умели вздыхать, они делали бы это точно так же, как Кира: “Получилось!” Собственно, она и была Весами по гороскопу.

Кабинет всегда говорил: “Получилось”! И за это она его очень любила. Здесь жил её Ангел-Хранитель – икона из Афонского подворья, венецианские и английские гобелены, кружева с острова Бурано и картина из дворца Кочубея. Может быть именно поэтому ей было так хорошо здесь. И еще камни и кристаллы, они были повсюду, их было много, разных и бесконечно любимых. На её половине огромного старинного письменного стола стояли две фарфоровые колонны – подсвечники, где вместо свечек переливались Лабрадорит и Дымчатый Кварц, отшлифованные в яйцеобразную форму. Прямо на неё смотрел с подставки магический глаз, плоский овальный спил красивого камня, где по краю белком глаза расположился про-

зрачный кристалл, а радужную оболочку и зрачок образовал аметист, тоже по сути кристалл, только лиловый. Крошечная часть друзы сохранилась, внутри была сквозная дыра и острые кусочки аметиста таинственно мерцали без света даже в глубоких сумерках.

На половине стола мужа всегда был идеальный порядок. Капитан был строг, но преимущественно к себе самому. Всегдашний беспорядок на её части стола он воспринимал как должное, и казалось, просто не замечал. Зато морской порядок всегда отличал его территорию.

Кира скучала по мужу. Последнее время им приходилось надолго расставаться и даже любимая работа не могла заглушить острого желания быть с ним рядом.

Тряхнув головой, Кира подошла к стеллажам с книгами – этим спутникам вечных учеников, хранителям кабинетной пыли и интеллектуальных вызовов. Провела рукой по корешкам и сходу наметила новый план для чтения. «Как всё успеть? Ума не приложу!»

Нет, она не забыла, зачем пришла. Зажгла свечи, достала скатерть и алый бархатный мешочек с колодой Золочёного Таро Чиро Маркетти. Неспешно начала тасовать колоду. Вдруг ярkokрылой бабочкой из руки вылетел вверх плотный прямоугольник глянцевого картона и приземлился Кире на колени. «Ага! Как интересно! Пятёрка Мечей! Красавец, молод, ... но в чём-то ошибся, что-то проиграл... Глазилегюр, не иначе... хотя, почему сразу – Глазилегюр, может и не он вовсе. Всё-таки, Кира Францевна, как кто тебе не по сердцу, так сразу – Глазилегюр. Неровно ты к ним дышишь, неровно». Она усмехнулась, взяв карту и аккуратно при-страивая её на скатерть в центр будущего расклада.

* * *

Он плёлся пустынными улицами, плывя словно в парах расплавленного золота, в воздушном мареве раскалившегося добела средиземноморского лета, ужасающего и беспощадного. Все попрятались, и не мудрено. Ничего изнурительней этой проклятой жары он не знал. Каждый год весной просыпались робкие мечты «А вдруг нынче обойдётся и лето не будет таким знойно-палящим»? Но мечты всякий раз разбивались вдребезги, когда солнце яростно впивалось в землю, море, горы с лучисто-кинжальной прямоотой Носителя Света. Ни работать, ни говорить, ни тем более, вести тренировки сил не было.

Как некстати именно сейчас Файфрейс – всевладетельный и всеильный Король, Глава Двора Монет, отец Семьи Земли, – неожиданно пригласил его к себе. Будь на месте Его Величества кто-то другой, в голову не пришло бы выходить на улицу, а уж о том, чтобы пройти невероятно длинный путь от школы до дворца и речи быть не могло. Сам Квинто-Гладио принадлежал к Мечам, Семье Воздуха и непереносимость пекла для него была связана с раскалённым воздушным маревом, отражавшимся от поверхности мраморных мостовых и стен, окаймлявших уличные коридоры. Камни словно стекали к его ногам, казалось еще совсем немного и мрамор на глазах превратится в кипящую лаву. Осталось несколько шагов и он будет у ворот, а там спасительная тень, прохлада дворцового сада. «Да, что говорить, Двор Монет умеет жить на широкую ногу, это не мы, вечно мятущиеся и летящие неизвестно куда». С горечью и как-то обречённо подумалось ему.

Он ступил под свод низких, с тихим скрипом распахнувшихся ворот, рядом никого не было. «Домашняя магия» – улыбнулся Квинто. Сад дышал прохладой, сплетающей в изысканный букет тонкие ароматы свежести и пряной сладости. За возможность как можно дольше вдыхать этот воздух он отдал бы многое. За то, чтобы неспеша посидеть здесь в тени и продышаться глубоко, медленно, спокойно. Но такой возможности ему никто не предоставил, он здесь гость, а у гостя свои обязанности и нормы поведения, будь они неладны!

Воспитание, основанное на следовании правилам, предписаниям и словам законов для семьи Мечей – основополагающий принцип жизни. Это единственное, что позволяет им сохранять хоть какую-то видимость стабильности и устойчивости в этом мире. Хотя, какая устойчи-

вость может быть у воздуха, как его ни регламентируй? Поэтому Квинто, несмотря на острое желание, всё же не решился зачерпнуть воды из фонтана и плеснуть себе в лицо. Она бы высохла, разумеется, за несколько шагов, пока он пересекал внутренний двор с садом. Но нет, это нарушение этикета. Даже когда никто не видит. Надо просто взять себя в руки.

Дверь, обвитая по периметру белой и розовой бугенвиллией, открылась. Слуга склонил голову и Квинто легко взбежал по ступеням, словно никакой жары не было, а он и не помышлял о прохладе.

* * *

“А ты хитёр! Хитер и изворотлив! Не делай такое честное лицо, тебе не идёт. Я позвал тебя уж конечно не для обмена любезностями, как ты верно догадался. Последнее время пришлось наблюдать, как тебе удалось виртуозно уладить несколько довольно острых конфликтов.”

“Это моя специальность, Ваше Величество”

“Ну, мастеров клинка в вашей семье хватает, это верно, а вот дипломатов по пальцам перечесть. Слишком много думаете, это вам мешает быстро принимать решения и вовремя произносить нужные слова.”

Квинто отвёл глаза в сторону и уставился на пейзаж за окном, который мог бы быть приятным если б его не портило белесое марево приближающейся вечерней влажности, наползающей с гор.

“Чего молчишь?”

“Жду, когда Ваше Величество скажет что-то вроде: “Не умничай, будь ближе к народу” или “Позаботься о себе сам”

“Ты еще и дерзок, вдобавок. Мне, в общем, всё равно. Это качество меня не смущает ни в ком, даже в собственных подданных, а уж в чужих и подавно. Так что не трудись. Из равновесия ты меня не выведешь. Моё предложение ты волен принимать или нет – на твой выбор. Но ты прекрасно понимаешь, сколько потеряешь отказавшись и сколько приобретёшь согласившись.”

Это он понимал. Стать главным мастером клинка для Двора Монет – это, как будут говорить столетиями позже, “ухватить Бога за бороду”. Только не понятно, что с этим делать, на чьей стороне играть и по каким правилам?

“Игра будет без правил,” – Квинто почти готов был удивиться королевской прозорливости, если бы не знал, что основу её составляют совершенная реалистичность и абсолютный прагматизм. Король продолжал, – “а именно, без всем известных и всеми принятых правил, что возможно покажется тебе сложным. Да, это не школа, где всё просто – плие, выпад, туше и никаких околичностей. Тут зачастую ничего не понятно, но это самое интересное.”

“Почему Ваше Величество считает, что мне это интересно?”

“Я уверен. Иначе бы ты не ввязывался во все эти разборки. Тебе от них проку никакого, значит – интерес, чистый спортивный интерес. Ну, так что?”

“Мне надо подумать.”

Громовой хохот короля заставил звенеть стаканы на столе и хрустальные подвески на люстрах.

“Иного ответа я и не ждал! Что ж, иди думай. Даю тебе пару дней. От долгих размышлений ничего не изменится. Либо да, либо нет. Спасибо, что пришёл.”

“Ваше Величество! – церемониальный поклон. И ощущение странного металлического привкуса во рту. Что-то не так, но что именно?”

Отец всегда говорил, что мы с Монетами как небо и земля, что с ними надо держать ухо востро – продадут и перепродадут сто раз, когда им это выгодно. Они не погружаются в мелочи,

весьма избирательно заботятся о нравственности и репутации. Именно в той её части, которая касается прибыли и коммерции. И что теперь? Идти служить им всё равно, что поменять кожу, кости и кровь.

Пятый сын в семье, всего в жизни достигший сам и гордившийся этим, он возвращался из дворца, не замечая знойного воздуха раскалённых улиц, в свою школу, давно ставшую ему домом и не понимал, как ему быть с этим великолепным, лестным, выгодным и таким странным предложением. Кому сказать! Файфрейс не просто заметил, а позвал его к себе и самостоятельно, не через своих вельмож, а напрямую сделал такое предложение!?! Это невероятная удача! Но, что-то подсказывало Квинто, что если он начнёт выигрывать сражения для Файфрейса, то в стратегическом смысле проиграет более серьёзную, и несомненно, более важную войну. Хотя, о какой войне речь? Пока всё тихо и мирно, но он привык мыслить в категориях вероятностей и слово “пока” было одним из его любимых.

Наутро он проснулся совершенно разбитым и взвинченным. Разбудила Квинто-Гладио тупая боль в затылке и висках, заставившая открыть глаза, чтобы тут же со стоном их закрыть. Кое-как добрался до ванны, спустился по ступенькам и улёгся на чуть шершавые камни, но сначала опустил голову под воду, на несколько секунд задержав дыхание. Не хотелось думать о предстоящих мучениях, когда непрерывные взвешивания и рассуждения, за и против, плюсы и минусы, сопровождающие каждое его решение, не дадут никакой жизни в ближайшие пару суток. Сейчас выхода он не видел. Тогда придётся соглашаться. И ведь посоветоваться не с кем.

Вода журчала и тонкими струйками переливалась через края ванной в опоясывающий жёлоб. Приятная прохлада по капле вливалась в тело покой и умиротворение. Стало как-то безразлично, что последует за его согласием или отказом. Так ли это важно? В том и другом случае фатум не дремлет и уж конечно приготовил для него очередную сладкую плюшку, капкан, бокал с ядом или фигу в кармане.

Он слишком рьяно влезает в чужие конфликты и слишком успешно не даёт им разгореться. Ну, какое ему было дело до переживаний и слёз Контрадиктуса по поводу его распрасной жены, за которую выступили с отмщением все её братья? А ведь он сумел заставить их выйти из жёсткого противостояния с честью и разойтись полюбовно. Три ранения и одна контузия на всех участников конфликта – не в счёт. Главное, все живы.

Или эта история с обвинением в краже? Никто не хотел уступать. Уже и сама потеря выглядела не столь значимой, как наказание предполагаемого виновника. Но ведь только предполагаемого? Последнее время языком он сражается успешнее, чем мечом. А всё потому, что перевалило за сорок и на пути к пятому десятку пришло понимание бессмысленности войн, схваток и побед. “Никто еще никого не победил” – однажды сказал отец. “Что ты говоришь? Как это?” – “Так! Сам увидишь и сам всё поймёшь”.

Действительно парадокс. Чем лучше владеешь оружием, тем реже пускаешь его в ход. Зато дворовых забияк хлебом не корми – дай подраться всласть.

* * *

Квинто любил фехтование за красоту движения, ценил точность приёмов атаки и защиты. Но выше всего он ценил возможность отпустить поверженного противника на все четыре стороны. Потому что победитель терял не меньше побеждённого, а зачастую значительно больше. Ему уже расхотелось величаво вздымать меч на поле боя над трупами своих врагов, потому что бок о бок с ними лежали его друзья, плечом к плечу с врагами, рядом. “Однако, вряд ли Файфрейс имел в виду совсем исключить драки. Дипломатичность – да, это еще куда ни шло, но не дипломатия же, в самом деле.” И всё-таки Квинто не до конца понимал, в чём тут засада и как ему следует поступить.

Гарда вошла неслышно и поставила на край ванны поднос с чашкой ароматного отвара. Она появлялась и исчезала неслышно, материализуясь из воздуха и даже словно не перемещаясь в пространстве. Её появление всегда означало помощь или что-то неясное, но необъяснимо хорошее – взгляд, жест, слово. Она умела быть ему полезной и ненавязчивой. Её достоинство и самодостаточность давали ему уверенность и снимали тревожность.

Когда рядом Гарда, всё должно идти как надо, уж она за этим проследит. Похоже, жизнь налаживается, и пусть будет так, как должно быть. “Тебе не по себе?” – взгляд глубоких серых глаз пристально и задумчиво ощупывает лицо, остро, плавно проникает насквозь. Вот откуда она всё знает? Или сейчас от отупляющей головной боли он бледнее обычного и это бросается в глаза? Что ей сказать? – “Ничего особенного, не беспокойся”. Вода успокаивающе журчит, Гарда молча сидит у ванны прямо на мозаичном полу, подогнув колени и опершись на руку. “Может, тебе нужно поговорить?” Он открыл глаза и посмотрел вопросительно. “Нет, не со мной” – она улыбнулась спокойно и чуть иронично. “Может, тебе нужен Халас?” Легко поднялась, обронила словно невзначай, уже на ходу, не оборачиваясь и в одно мгновение исчезла, будто и не входила в комнату.

“Что за женщина! Анди, совершенный Анди. Никогда не привыкну к её природе!” Головная боль прошла. Гарда взяла её с собой и сейчас либо сожжёт на огне, либо сразу развеет по ветру. Такую защиту мог бы себе пожелать каждый, а он даже и не мечтал о ней. Гарда сама его выбрала, пришла и осталась.

Она сказала – Халас. Посоветоваться не с кем? Вот где ответ. Иди и узнай. Положи конец своим сомнениям, непониманию и неведению. Готов? Если готов – иди.

* * *

Длинные седые пряди струились по плечам, по груди и спине. Они были похожи на водоросли или древесный мох. Последнее точнее, потому что лицо Халаса больше напоминало дерево, чем морской камень. Странный контраст длинным волосам составляла короткая, ухоженная, аккуратно стриженная бородка военного. К чему бы это? Прихоть или необходимость? Вероятнее всего, длина волос определялась магическим ремеслом, а форма бороды – образом жизни. Поэтому странным такой контраст казался только на первый взгляд и весь облик мужчины оставлял впечатление гармонии и силы.

Острый взгляд его был направлен на листы с вычислениями, графиками и схемами, которые маг неспешно перебирал в руках. Какие-то просматривал долго, какие-то сразу откладывал, едва скользнув взглядом. По углам стола горели масляные лампы и на поверхностях всех, в изобилии наполнявших комнату, стеклянных, хрустальных и металлических предметов, играло отражение мягкого света. Тяжёлая портьера приподнялась и впустила мальчика лет пятнадцати в такой же тёмной одежде, как у Халаса.

“Он пришёл”, сказал мальчик с поклоном.

“Хорошо, позаботься, чтобы нас не беспокоили”. Мастер жестом отпустил ученика, одним длинным движением поднялся и выскользнул из-за стола, гибко и бесшумно, как змей.

Он вздохнул и большая лампа под потолком замерцала ярче, через минуту разгорелась, осветив приборы в отдалении, стеллажи, гобелены и множество различных предметов на этажерках вдоль стен. Комната потеряла свою таинственность и превратилась в обычный кабинет обычного учёного.

“Его Величество, всевладетельный и всеильный Король Монет” – мальчик отступил в сторону. Они были почти ровесники Файфрейс и Халас. Обменявшись лёгкими поклонами, прошли вглубь, где меж двух кресел был накрыт низкий восьмиугольный столик с напитками и угощением.

“Рад видеть Вас, Ваше Величество”

“Никак не можешь без церемоний, скучно тебе без них. Нет, чтобы по простому, по родственному. Сам бы зашёл когда.”

На лице Халаса не отразилось никаких эмоций, только в уголках глаз едва наметились морщинки словно бы от улыбки.

“Сегодня повинуюсь “родственным” чувствам, перед Вашим приходом просматривал гороскопы кое-кого из Семьи Земли”

“Нашей семьи” перебил Король.

“Ваше, вашей, разумеется”

“Никак не смиришься?”

“С чем, Ваше Величество? Настаиваете, чтобы я поддержал легенду о моём земном происхождении? Вы видите, я же не возражаю, но и подтвердить версию Вашего Дома в отношении меня, простите, не могу. Единственное, что связывает моё появление на свет с Двором Монет и земной стихией – это, что нашли меня под кустом в поле недалеко от старого дворца. В чём нет сомнения и я никогда этого не отрицал”

“Благородство твоего происхождения бесспорно уже потому, что мы похожи и воспитывались вместе, ну, или почти вместе”

“Вы будете удивлены, но моя похожесть на всех вместе и ни на кого в отдельности, уже стала предметом сплетен и пересудов. Говорят даже, что у меня есть способность мимикрировать. По этому поводу на прошлый день рождения Семья Кубков подарила мне...”

“Прекратите ёрничать, терпеть не могу эту Вашу манеру. То церемонии разводим, то куражмся напропалую, никакой серьёзности и основательности”

Взгляд мага стал холодным и пристальным. Он прошептал:

“Мило. Продолжим на Вы, если Вам угодно”

“Ладно, не сердись, меня выводит из себя, когда кто-то еще смеет претендовать на тебя, кроме нас”

“Так с чем Вы пришли, Ваше Величество? Чем могу быть полезен?”

“Ты про гороскопы что-то там упомянул. Интересное нашёл? Есть то, о чём мне надо знать?”

“Монарху полезно знать обо всём, что касается его Семьи. По совокупности причин в ближайшее время можно ожидать некоторых потрясений или скорее неприятностей, избежать которых будет крайне сложно. Но, Вы пришли явно не по этому поводу”

“Как раз по этому, именно по этому”

Халас развернулся ближе к собеседнику и даже наклонился вперёд, чтобы заглянуть ему в глаза.

Файфрейс напротив, откинулся на спинку кресла. “Ты полагаешь, кроме своих повседневных забот, я больше ни о чём не думаю? Еще как думаю. Тебе и не снилось!”

“Слушаю со вниманием, Ваше Величество”

“Мы запутались окончательно и конца краю не видно”

* * *

Нона хохотала от души! Её действительно рассмешил этот шут гороховый, пришедший во дворец жонглировать и показывать фокусы. Ей редко бывало так весело. Почему детство уходит, а с ним удовольствия, беззаботность, простота? Почему, чем старше становишься, тем больше ограничений и обязанностей, с которыми приходится мириться и как-то справляться? Её прекрасные волосы были уложены в причёску, перевиты нитками цитриновых бусин и украшены алыми лентами. Голубое с золотом верхнее платье изящно подчёркивало мрамор кожи, а красная нижняя юбка с непозволительным при дворе вызовом указывала на то, что девушка не чужда контрастов. О, да! Характер Ноны был всем известен и никто не назвал бы её покла-

дистой. Она была слишком умна и талантлива для того, чтобы слыть милой, говорила и поступала своевольно и независимо. Однако, не переходила грани, умея вовремя остановиться. По крайней мере, так было до сих пор.

Восемнадцать лет – не самая весёлая пора, когда становится ясно, что твоя дальнейшая судьба в чьих угодно руках, только не в твоих собственных.

Предстоящая свадьба была для Ноны примерно тем же, чем бывают обычно зима, ливень, слякоть или насморк. Это неизбежно. Делай что угодно, но в определённое время ты должна замёрзнуть, промокнуть, по щиколотку утонуть в грязи и швыркать носом. Закон природы, если позволительно так выразиться.

Тем более, что жениха своего она не знала, да, собственно, не только она. Его еще не выбрали и когда выберут – неизвестно. Поэтому она надеялась, что маячившая на горизонте церемония, как и положено горизонту, по мере приближения так же плавно будет отступать всё дальше и дальше...

Иногда её участь казалась ей плачевной, иногда забавной, а чаще – заурядной. Почему? Да всё просто. Любая девушка, вступившая в пору замужества рискует не меньше неё. Нелепо думать, что кто-то из них может быть уверен в своём женихе. “Кто с кем не живёт, тот того не знает”. Эта поговорка всегда приходила ей на помощь, когда надо было объяснить разные неожиданности в общении с другими. Что уж говорить, риск есть риск и вступление в брак – один из самых неоправданно высоких.

Хлопая в ладоши и покатываясь со смеху вместе со всеми, Нона наслаждалась мгновениями свободы и беззаботности. Шут в ответ кланялся, приседал, размахивал руками и махал головой, от чего бубенчики на его шапке и камзоле серебристо звенели.

Представление закончилось.

“Научи меня этому фокусу с платком” – она подошла почти вплотную и заглянула ему в глаза.

“Чего ради?” – он несколько не смутился, уставившись на неё с достаточной долей самоуверенности.

“Почему нет?” – даже не рассердилась, только усмехнулась и оглянулась по сторонам, чтобы проверить реакцию остальных. Но её дамы и их кавалеры были заняты исключительно самими собой или друг другом.

“Потому, что я этим зарабатываю, а Вы всем разболтаете”

“Я выгляжу болтушкой?”

“Это не важно, я Вам ничего не покажу”

“Ах, так! А что, если я куплю у тебя фокус, куплю насовсем. Задорого. Ты мне его продашь? Учти, что никогда и нигде не сможешь его больше показывать. Как тебе такая сделка?”

“Задорого, это за сколько?”

“Мой вес золотом или девять магических монет Нашей Семьи”

У шута глаза вылезли из орбит и рот слегка приоткрылся.

“Вы что, серьёзно?”

“Абсолютно. Согласен?”

“Давайте монеты. Еще не хватает таскать Вас отлитую в золоте за собой в телеге.” Он скроил преуморительную мину, скривив лицо до неузнаваемости.

Нона в ответ негромко рассмеялась – “Обещаешь?”

“Обещаю”

“Жди меня в саду около беседки, внутрь не входи, тебя мой феникс поклюёт”

И сделав вид, что разговаривала с фокусником о пустяках, она равнодушно отвернулась и с дежурной улыбкой направилась к придворным. Болтая то с одной, то с другой парой о том о сём, Нона не спеша продвигалась к двери, за которой в конце длинного коридора был вход в её спальню и личное хранилище.

“Я с ума сошла, что ли? Девять монет? Слыхало ли дело? Да он до конца дней своих может больше не работать! Моё любопытство – моя беда!” Но, сердце ей подсказывало, что затеяла она не просто сделку, что не так уж она беспечна, как могли бы подумать другие, узнав о её капризе. Нет! За её поступком что-то кроется. Жгучее желание узнать разгадку фокуса не могло быть вызвано только праздным любопытством. Да и не это главное. Она всерьёз хотела научиться показывать этот трюк, показывать так виртуозно, чтобы никто, никогда, ни с какого расстояния и при самом ярком освещении не смог понять, что именно произошло – откуда взялся платок, как менял цвета, превращался в кинжал, распускался букетом хризантем и сгорал ярким пламенем в ладонях!

Открыла шкатулку, достала девять монет, прошептала Заклинание Снятия Принадлежности и положила их в поясной кошелек. Теперь можно идти.

* * *

Вечерний свет, непрерывно меняя окраску, затухал за окном. “Ммммм... Пятёрка Мечей – какой-то конфликт в сознании, как минимум. Значит, приходил по делу. Тогда куда делся? Как удалось позвонить в дверь и мгновенно испариться?” Кира понимала толк в конфликтах. Своё детство и юность она провела в непрерывных конфликтах, то с самой собой, то с окружающими, сюда же можно было отнести не только людей, но и жизненные обстоятельства.

“Наша Шнейка – дуралейка, на носу у ней копейка, раз копейка, два копейка, задавака наша Шнейка”. Страшно подумать, она помнила эту считалку, сочинённую про неё в пятом классе так, словно и не выходила со школьного двора, видела радостно-злые лица детей и кружение хоровода, не выпускающего её за границу круга. Где они теперь? Её бывшая школьная подруга, подающая надежды математик, круглая отличница и гордость школы – по словам знакомых спилась, какое-то время жила проституцией и недавно умерла. Многие умерли, не дотянув до сорока. Что сломало и искорежило судьбы бывших одноклассников, отличников и отличниц, ей было не интересно. Пионерский лагерь тоже был “школой выживания”. Где бы она ни появлялась, вскоре её начинали травить, пинать и тихо, методично уничтожать. И тогда она решила стать лидером. Просто решила и всё! “Oderint dum metuant” (Пусть ненавидят, лишь бы боялись). Откуда она взяла это выражение, ставшее её девизом на период взросления?

Кира была уверена, что девиз ей “дали”, как и положено поступать с девизами. Кто дал? Предки конечно.

Самой главной книгой в её обширной домашней библиотеке была работа Андреаса Идта и Георгия Раушенбаха “Переселение немецких колонистов в Россию в 1766 г.” В ней было имя одного из её предков – Иоганна Гейнриха Шнейдера. Хотя, столь близкий по времени период правления Екатерины Второй был ей не столь близок по душе. С детства для неё самыми родными людьми были далекие предки, приходившие изредка к ней в снах. Многие из них жили в девятом, одиннадцатом-двенадцатом веках и были не особенно счастливы и богаты. В её роду были солдаты и монахи, крестьяне и ремесленники. Вот купцов совсем не было, и это очень сказывалось на её генетически врождённой непрактичности.

Была одна монашка – пра-пра-пра-пра-пра...прабабушка, с которой Кира почти подружилась. Та довольно часто приходила во сне. Она была бледная, с прозрачной кожей, не видевшей солнца, и тонкими чертами лица. Самым примечательным в её внешности были глаза, в них хотелось вглядываться, они хранили какие-то глубокие тайны. Кира во сне бродила с монашкой то по серым средневековым городам, то по лесам, иногда осенью, иногда ранней весной, когда щебет птиц не только слышен, но и виден в прозрачной молодой листве. Они никогда ни о чём не говорили, просто ходили рядом, изредка держась за руки.

И всё было бы хорошо, если бы однажды Кира не услышала от мамы: “В нашей семье в каждом поколении были монашки, как непреложное правило, обязательно в каждом поколе-

нии. Когда я была совсем маленькая, то не понимала, почему все смеются над моими словами. На вопрос: “Кто твоя бабушка?” я искренне отвечала: “Моя бабушка – старая дева” так продолжалось до тех пор, пока кто-то мне не сказал: “Если твоя бабушка – старая дева, откуда же ты взялась, такая умная?” Саломея – родная сестра бабушки, твоей прабабушки – Ядвиги, была католической монахиней в миру, но мне в детстве и в голову не приходило делать между ними различия, они одинаково заботились обо мне и одинаково были мне дороги”.

Когда в следующий раз монашка пришла в сон Кире, она осмелилась прямо спросить её: “Ты тоже старая дева?” Монашка молчала, слёзы медленно струились по щекам, потом очертания фигуры и черты лица стали терять чёткость, становились всё бледнее и прозрачнее, пока совсем не исчезли. Кира проснулась в холодном поту, лет ей было девять-десять, наверное, сейчас она не помнит точно. Но вот что она помнила совершенно отчётливо – это страшное, горькое чувство: она обидела эту женщину, она сделала ей больно. Она извинится, обязательно попросит прощения и больше никогда-никогда не будет ни о чём её спрашивать. Но монашка больше не приходила.

* * *

Однажды по дороге из музыкальной школы Кира внезапно остановилась как вкопанная, словно кто-то не пускал её дальше. Огляделась, стоит она на тротуаре рядом со странной нишей. Здесь она проходила тысячи раз, весь учебный год, всегда мимо и никогда до сих пор эта ниша не привлекала её внимания. Само здание было ей хорошо знакомо – это была знаменитая на весь город глазная клиника. Бывшие ворота зияли широким проёмом, а по бокам симметрично располагались две узкие ниши. Та что справа явно была калиткой, а левая была совсем глухой. Нет, не замурованной позже, Кира чувствовала это, просто нишей в стене. Но для чего?

Неожиданно резко спазм согнул её пополам, в глазах потемнело. В нише на приступке лежал ребёнок. Маленький, новорожденный младенец в каких-то серых тряпках. Он возился и сопел, издавая тоненькие, тихие, жалобные звуки. Кира испугалась, что теперь не сможет разогнуться, но при этом не отводила взгляд от малыша. Надавив сильно на живот одной рукой, она попыталась выпрямиться и моргнула. Ребёнок пропал.

* * *

Мама Кире работала медицинской сестрой, но время от времени приезжая в Москву, каждый раз с трепетом проходила мимо Историко-Архивного института. Вот, где ей хотелось бы учиться, но не сложилось. Однако она живо интересовалась историей и знала многое и о многом. Тем более о том, что связано с медицинскими учреждениями города, где они жили.

“Мам, а что было в глазной клинике раньше?”

“Почему ты спрашиваешь?”

“Очень красивое здание, необычное”

“Псевдоготика, да. Там был сиротский приют, частный. Туда забирали детей, лишившихся родителей. И еще, туда приносили своих младенцев женщины, которым не на что было кормить своих детей, или хозяева, у которых они работали, запрещали им оставить ребёнка при себе. Иногда это были дети монашек. Конечно, все они были незаконнорожд... Кира! Киронька! Что с тобой?”

Девочка плакала навзрыд. Плакала горько, отчаянно, так, словно огромная, страшная беда свалилась внезапно на её худенькие плечи.

“Господи! Нельзя же иметь такие нервы! Как ты жить собираешься?”

Кира и сама не знала, как собирается жить. Иногда лёжа с ангиной, она думала о том, что с ней будет, когда она вырастет – “Если я такой урод, теперь уж ничего не поделаешь, буду жить, как получится”. Единственная подружка – Лариска, цинично успокаивала её: “Кровь не водица, в канаву не выльешь” – “Спасибо, утешила!” – “Не за что”.

Поэтому Кире только и оставалось, как стать звеньевой, старостой, а потом последовательно становиться председателем всего, чего только можно. “Умывальников начальник и мочалок командир” – так называла её мама. Однако, это помогло выжить, хотя никогда не доставляло Кире ни малейшего удовольствия.

Её спасением было поступление на психфак и увлечение эзотерикой. Так она нашла свою нишу и смогла выстроить довольно сносное существование. А потом в её жизни появился капитан и всё окончательно встало на свои места.

* * *

Разглядывая расклад, начинающийся Пятёркой Мечей и лежащим рядом Тринадцатым, Кира думала о том, с каким могучим человеком пришлось столкнуться “отличнику” – так она мысленно окрестила приходившего. Она ни минуты не сомневалась, что звонил мужчина. “Ну, что, когда появится теперь?” В том, что он появится, она тоже не сомневалась. “Ага! Троечка Мечей, говорите? Три года, три месяца, три недели, три часа или три минуты?” Это Кира пропела дурашливым голосом, собирая поднос и двигаясь по направлению к раковине. Не успела она поставить чашку под воду, как раздался телефонный звонок:

“Слушаю Вас”

“Кира Францевна, добрый день. Моё имя Влад, мне необходимо получить Вашу консультацию» – голос приятный, меланхоличный, говорит медленно, красиво выговаривая каждый звук, – «Я сейчас непосредственно рядом с Вами, буквально за стеной, у Ольги, она Ваша соседка, мы приятельствуем. Она говорит, что лучше Вас на свете нет. Пытался прорваться в Вашу крепость, но потерпел фиаско. Примете ли?”

“Я полагаю Ваша провалившаяся попытка прорваться, уморив мой дверной звонок, оправдана чрезвычайными обстоятельствами? Не разочаруйте меня. Завтра в это же время, извольте”

Комментарий Первый

Форнтам живётся не просто. С детства их посещает чувство отчуждённости от мира и людей, синдром изгоя и непонимание того, как тут всё устроено.

Согласитесь, ребёнку сложно с этим жить?

Сверстники по отношению к ним занимают, как правило, две противоположные позиции: одни стараются опекать и помогать Форнтам, видя, как те не приспособлены к жизни. Другие – уничтожать и травить.

Первые ассоциируются у меня с Магами – они чувствуют энергию Форнтов и готовы их оберегать, как носителей древней энергии и древнего знания. Другие ассоциируются с Рыцарями, увидевшими «рептилию», которую надо уничтожить.

«Кровь – не водица, в канаву не выльешь» – гласит поговорка, объясняющая нам, что генетически запрограммированные свойства и качества остаётся только принять, поскольку их не изменить.

То же можно сказать и о тонкой энергии человека, а именно – о его эйге. Человек рождается с определённым набором признаков, которые изучают множество направлений: нумерология, Ба Цзы, все многочисленные виды Астрологии, Психологический портрет, Дизайн

человека и пр. – они пользуются данными даты рождения и раскрывают доступные им грани «программы» человеческого бытия.

Психология и сопредельные науки, такие, как социология, основываются на тестах и протоколах. И надо видеть, как с каждым последующим годом они катастрофически устаревают, поскольку общество, сам человек, взаимоотношения между ними и их взаимоотношения с реальностью стремительно меняются.

И тут в нашем мире появляется эйгология. На первый взгляд, случайно. Но удивительно во-время и закономерно!

Первое знание, в основе которого не набор правил и законов, а интуиция самого человека, доверие собственным чувствам и обращение к своему подсознанию.

В головокружительно меняющейся реальности бессмысленно искать опоры вовне – они поставлены другими и еще не известно – с какими целями. Нельзя доверять телевидению и информации из «сетей», журналистика лжёт и многочисленные гуру стараются найти временных отребителей их услуг для собственного заработка.

Где искать надёжную опору и кто единственный заинтересован в том, чтобы вы были живы, здоровы сильны телом, умом и духом? И, как следствие, в идеале, жили счастливо? Честный ответ – только Вы сами!

Тогда есть только один путь – пора обратить внимание на себя самих!

Полагаю, что не ошибусь, если скажу, что вы еще и не приступали к изучению того, что дано вам природой, к раскрытию собственных способностей и обретению той силы, которая делает вас со=творцом.

Как часто люди сетуют на то, что когда-то проигнорировали своё «шестое чувство», не прислушались к собственной интуиции, которая подсказывала, вела и спасала. Именно интуиция – способность человека слышать своё неповторимое «Я» помогает в самых сложных жизненных испытаниях.

Интуиция – это практическое выражение тонкой энергии человека – его эйга.

Кира помогает себе Таро – это прекрасный инструмент и в правильных руках он работает безупречно.

Читателям, увлекающимся Таро, особенно интересно будет анализировать мотивы поступков, слова и чувства героев ЭТМ. Совмещение Арканов Таро и эйгов в характерах персонажей ЭТМ, помогают не только мгновенно понять человека, но даже предвидеть его поступки и дальнейшее развитие сюжета.

Это же прекрасная тренировка интуиции и лёгкое обучение эйгологии, не правда ли?

Файфрейс демонстрирует все черты Короля Пентаклей и эйга Софнун ("Всё принадлежит мне!"), а Халас – независимость Мага в сочетании с исследовательской погружённостью и независимостью Форнта.

Кстати говоря, внимательный читатель сразу начнёт сопоставлять черты Форнтов, соединяя образ Киры и Халаса. Необыкновенно интересно!

Что ж, открываем Вторую главу!

Глава 2. Эльфийская рапсодия



Он был прекрасен вне всякого сомнения. По крайней мере, он сам так считал. Об этом без слов говорил его томный взгляд из под полуприкрытых век. “С кем кокетничает? Обал-

дел совсем?!” – Кира попыталась зеркально скопировать ответный взгляд и от сделанного над собой усилия чуть не расхохоталась гостю в лицо.

“Да, Глазилегюр из меня никудышний, это правда. Хотя и не совсем правда, я бываю изящной, стильной и даже эстетически-вызывающей, но всё-таки Форнту до Глазилегюра далеко”

Филигранно заутюженные стрелки тёмно лиловых брюк вызывали желание сгонять на кухню за бактерицидным пластырем на случай нечаянных порезов. Серая льняная рубашка, того, пленяющего совершенством, жемчужного оттенка, который встречается только во сне... или в дорожном магазине где-нибудь на Елисейских, да еще и правильно замятая в правильных местах. Свежевымытая разлетающаяся шевелюра безупречного каре и лицо, невозмутимое, заискивающее и манящее одновременно.

“Проходите, Влад”

Кира решила не принимать предложенную игру, развернулась и пошла вглубь квартиры, нимало не заботясь о реакции гостя. Надо отдать должное, Влад сразу принял её правила, перешагнув порог и захлопнул за собой дверь. Когда он вошёл в кабинет, Кира уже устроилась в рабочем кресле и подалась вперед, чтобы зажечь зелёную свечу в бронзовом низком подсвечнике.

“Располагайтесь”

“Весьма признателен”

Она молчала. Он тоже. Более того, он уставился на свои пальцы, и будто провалился в беспмятство – взгляд отсутствующий и пустой, пальцы правой руки движутся механически..., левая безвольно свисает с подлокотника кресла.

“Если ты думаешь, что я заговорю первой или вообще буду с тобой церемониться, то ошибаешься, дружок” – Кире было всё равно, что пытался продемонстрировать посетитель: было ли это заблуждением, игрой или позёрством.

* * *

Хозяйка встала и подошла к проигрывателю. Такой коллекции винила, как у неё, наверное уже не осталось нигде. Она гордилась тщательно подобранными пластинками. Коллекцию Кира собирала, пожалуй, всю жизнь и очень гордилась ею. В то время, как другие выносили устаревшие чёрные блины на помойку, она любовно хранила и тщательно пылесосила ветшающие конверты с раритетными исполнениями и коробки с операми.

Музыка зашуршала древесной листвой и зазвенела тонкими колокольчиками, нежная мелодия постепенно вливалась в пространство комнаты, как струйка орехового ликёра «Франжелико» в кофе.

“Нашу музыку слушаете? Вот бы не подумал...”

Кира остолбенела на полдороге к креслу, смешно замерев на мгновение с поднятой ногой – “О! Вы знаете кто вы?”

“А чего тут не знать? Если бы я не знал, обратился бы к кому попало. Я же не так просто добивался встречи С ВАМИ” последнее сказал весомо, медленно, шёпотом.

“Предположим” – это действительно меняло дело, с эйгами можно быть откровенной, естественной, самой собой. Это облегчает задачу.

“Не уверен, что мне приятно говорить, но я запутался и полагаю, скоро это перестанет быть безопасным. Не выношу банальностей, поэтому в неё и вляпался по самые... уши” – он впервые улыбнулся, нет, пожалуй ухмыльнулся, скривив красивые губы в гримасе лёгкого сожаления.

“Я дружу с влиятельным человеком. Действительно, дружу. То есть, теперь дружу, раньше мы были любовниками. Теперь я любовник его дочери. Подробности нужны?”

“Да, нужны, продолжайте”

Кира резко поднялась выключила проигрыватель и налила из графина воды в два фужера, протянула один Глазилегюру.

* * *

В баре было душно и накурено. Привыкнув к мигающему свету, Мила протолкалась к стойке и помахала издали бармену, пытаясь привлечь его внимание. Это было несложно. Её пышные шоколадно-каштановые волосы и белоснежная кожа, фосфоресцирующая в лучах ламп от нанесённого на неё средства для вечеринок, были хорошо различимы в толпе.

“Надолго к нам?”

“Воду с лимоном и мятой”

“Может, мохито?”

“Без рома, сиропа и льда”

“Куколка”

Бармен вытянул покрашенные губы трубочкой и звонко причмокнул.

Мила рассмеялась. Среди её приятелей были забавные мальчишки и она давно научилась спокойно относиться к их скабрзностям или нежностям.

Надо оглядеться, есть ли кто из знакомых. А впрочем, зачем они? Она сама не знала, для чего пришла сюда. Паркуя машину, она не спросила себя – что, собственно, ей здесь надо. Многие в своей жизни она делала “на автомате”, не прилагая особых усилий и не давая себе труда задаться вопросом – есть ли во всём этом хоть капля смысла.

“Миленка! Какими судьбами? Надолго?”

Мила звонко рассмеялась: “Второй раз!”

“Что?”

“Второй раз за пять минут меня спрашивают, когда я уже свалю из Питера”

“А ты свалишь?”

“Конечно, куда ж я денусь”

Перед ней стояла давняя знакомая, то ли художница, то ли галерист, она точно не помнила. Художественная богема – не её среда, ей всегда было с ними неловко и скучно. Но время от времени отец водил её на закрытые приёмы по случаю открытия выставки той или иной знаменитости, или подающего надежды дарования. Где-то там на одной из них они и познакомились. Как её зовут? Кто бы помнил! Мила умела общаться в интервале от 30 минут до двух часов не называя собеседника по имени, при этом выглядело всё так, что у человека не было никаких оснований заподозрить, что она понятия не имеет, с кем разговаривает.

“А ты какими судьбами?”

“Да, это вообще-то моя хибарка, “приглядываю за сушкой”, как старик Мочёнкин. Чем угостить?”

“В смысле – твоя?”

“Свадебный подарок” – она помахала перед носом Милы изящными пальчиками. “Колеч, видишь ли, не ношу, никаких, поэтому дарят мне ночные клубы, галереи и прочую всякую дребедень. Бери своё пойло, поведу тебя познакомиться с нашими”

“Катя, деточка! Ну дай, я тебя облобызаю!” – стареющий бонвиван, тряхнув седой гривой распахнул руки для объятий.

“Ну, на, Эдик! Коль не шутишь!” – приятельница, только что обретшая имя Катя, схватила их обоих под руки и потащила в сторону закрытой двери, которую едва заметным движением приоткрыл здоровенный качок, Мила сравнила его мысленно с оживший статуей.

Через мгновение они оказались в приятной комнате со свежим воздухом, изящным интерьером и странной, звенящей тишиной.

Как удалось добиться такой звуконепроницаемости? Мила была поражена и пыталась не выдать своего удивления. Одна стена комнаты была стеклянной часть пола тоже. Ах, вот оно что! Теперь понятно, как изнутри выглядит торчащий высоко на небоскрёбе прозрачный куб. Шедевр современной архитектуры. Парящее в воздухе сооружение большей своей частью выходило из здания небоскрёба.

“Только бы не вырвало” – мысль была стыдной и до жути пугающей.

“Не смотри вниз, хотя там всё равно темно сейчас, ничего не видно. Пообвыкни немного” – чуткая Катя не повела дальше, а усадила в очень мягкое, глубокое кресло, заключившие Милу в тёплые кашемировые объятия.

Кресло было просто замечательным, Мила закопалась в него, как в детстве в мягкое тепло кровати, не хватало только пухового одеяла. Пришедшее чувство безопасности позволило наконец глубоко вздохнуть.

Теперь можно было сосредоточиться на разглядывании публики.

Вот Катя – хозяйка клуба и этого салона. Тонкая и звенящая. “Блистательна, полувоздушна, смычку волшебному послушна, толпою нимф окружена” – если бы Пушкин жил сейчас, то эти строки он посвятил бы, несомненно, Кате. Короткая стрижка выглядела безупречно, тонкая оправа очков мерцала белым золотом, простая прямая юбка-карандаш сидела так, что казалась не одеждой, а продолжением самой Кати. Этот эстетический шедевр завершала шёлковая блузка какого-то особенного кремового цвета. Катя порхала так, словно никакой обуви на ней не было, но Мила знала, что подобная походка говорит о баснословной стоимости словно бы незаметных лодочек, в которых “ножка спит”.

Мила с интересом продолжила изучать остальных.

Трое, не считая хозяйки и гривастого громогласного господина, с которым она вошла сюда. Он кричаще не вписывался в компанию. На какой-то миг Миле показалось, что это роднит их, хотя сильной симпатии к нему не испытывала.

Девушка с прямыми тонкими волосами “цвета льна” как у Дебюсси. “Мой кругозор меня погубит, что за нелепые ассоциации” – подумалось Миле. Лицо с высокими скулами и довольно большим ртом, тонкие губы, свободный балахон струится мягкими складками по диванным подушкам и стекает на пол. Девушка была как-то нездешне-хороша и что-то неуловимо роднило её с Милой, хотя, казалось бы, различий было больше, чем сходства. И всё равно, было понятно, что их объединяет не бросающаяся в глаза, а скорее воспринимаемая чувствами, внутренняя похожесть.

Двое мужчин, один более спортивного сложения в замшевых мокасинах, льняных брюках и рубашке. Другой – в лёгком классическом костюме, пиджак на голое тело и кожаные сандалии из пары пересекающихся ремешков.

Они говорили тихо, с джаконоподобными полуулыбками поглядывая в её сторону, выдерживая паузу и давая понять: Да, тебя привела хозяйка, но ты здесь никто, мы еще не решили, что ты за зверушка. Поэтому сиди тихонечко и жди команды “ко мне”! Мечтай, чтобы такая команда прозвучала, потому что настоящие хозяева здесь – мы.

Мила уже готова была подняться и незаметно удалиться вслед за «громогласным», который не зная, как себя применить в этом обществе, заскучал и величественно, как дреднот, отправился восвояси – туда, поближе к веселью, шуму, толпе, пиву и девочкам.

Один из катиных гостей, «полуголый» – как она его мысленно окрестила, медленно плавно скользя, приближался к ней, держа в каждой руке по стакану.

“Это нужно попробовать! Вы часто нервничаете? Это свежайшие шишки хмеля, заварены кипятком, 5 минут, пробуйте!”

Она взяла стакан, он был тёплый. Глоток чуть горьковатой воды, подарившей ощущение свежести и умиротворения. Вспомнилась беседка на старой бабушкиной даче вся завитая хмелем, развесившим свои шишки – фонарики для эльфов. В детстве она мечтала однажды

проснуться ночью и увидеть как мерцают в темноте эти бледно-зелёные гирлянды и как в этом свете танцуют и кружатся эльфы в бабушкиной беседке.

“Друзья зовут меня Влад. Вы тоже можете звать меня так, если хотите”

“С удовольствием. Зовите меня Ми”

“Очень мило, Ми, очень мило!” – он протянул ей руку и она легко оперевшись, поднялась из недр уютного кресла – ракушки.

За руку он повёл её к остальным. Ей уже не было страшно ступить на прозрачный пол, оказаться рядом со странной бледной девицей с печальными глазами и гимнастом – моделью.

“Я вам привёл Ми”

Катя распахнула глаза, вздёрнула брови и слегка повернула в её сторону голову на своей длинной красивой шее: “А! Добро пожаловать, Ми!” – улыбнулась заговорщицки.

Они ушли вместе, Влад проводил её до машины и она не удержалась: “Вы всегда ходите без рубашки или футболки под пиджаком?”

Он рассмеялся.

“Нет, не подумайте, что мне не нравится или я шокирована”

“Деточка, слова “всегда” не существует, а рубашку мне залила какая-то девица, решившая таким образом со мной познакомиться. Катя любезно забрала её в стирку, не девицу, конечно. Рубашку. Хотя, первая на мой взгляд, в этом нуждалась больше. Я завтра в Таллинн. Вы со мной?”

Это было скорее утверждение, чем вопрос. Первое мгновение – шок и оценка “нахал”, дальше – “почему нет?”, еще мгновение – “хорошее приключение”.

“Пожалуй”

“Я заеду за тобой в два”

* * *

Таллинн отличался от других небольших европейских городов, в которых ей приходилось бывать. Чем? Она не смогла бы так сходу объяснить. Спокойствием и неспешностью, невозмутимостью и непринуждённостью. Вот, пожалуй, нашлось главное слово, которое наиболее точно описывало её состояние в этом городе – непринуждённость. Здесь всё было просто и приятно, изысканно и не навязчиво. Сочетание старины и современности выглядело настолько органично, что не воспринималось искусственно созданным. Казалось, архитектура и природа не прилагали никаких усилий к тому, чтобы кому-то нравиться или создавать комфорт. Тихий уют жил здесь повсюду – в мостовых и изгибах улиц, стрельчатых арках и скатах крыш, какими-то магическими мягкими волнами проникал в людей, делая их счастливыми. С самого первого мгновения Мила почувствовала этот город своим.

С Балтийского вокзала они добрались в такси до “Трёх Сестёр”, оставили не распакованными вещи в номере и отправились бродить по городу. Потом все их дни основное время занимали прогулки, а оставшееся делилось между едой и постелью. Кадриорг, Пирита, Олевисте, Нигулисте... мягкая эстонская речь обволакивала и погружала в сказку.

Они сидели в “Чайковском”, когда Мила решила спросить: “А когда ты планируешь заниматься делами?”

“Ты о чём?”

“О делах. Ведь ты зачем-то приехал в Таллинн?”

“Знаешь, я собственно за этим и приехал. Никаких других дел у меня здесь нет”

“А если бы я не поехала с тобой?”

Повисла долгая пауза, Влад смотрел на неё изучающе. В его глазах нельзя было прочесть никаких мыслей или эмоций.

“Это ни на что не повлияло бы ”

“То есть, ты так же бродил бы по городу, по церквям и музеям?”

“Да, именно так, верно, ты умница”

“Мы ведь почти ровесники, а ты говоришь со мной, как умудрённый жизнью старец, всё переживший и всё испытавший”

“А почему ты думаешь, что это не так?”

Теперь Мила держала паузу, внимательно разглядывая черты его лица, каждую чёрточку, каждую характерную деталь. Забавнее и милее всего на его лице была мушка – родинка на щеке, которая делала из него барочного героя-любовника времён Казановы. Да, ему бы очень пошли камзолы и жабо, корсеты и шёлковые чулки.

“Тебя что-то гнетёт. Ты не хочешь об этом говорить. Просто знай, что я готова тебя выслушать, если надо”

“Не надо, хотя, за предложение – спасибо”

Ужин продолжался, но безоблачное настроение Милы вдруг куда-то улетучилось и захотелось скорее домой, в Питер, и дальше – во Флоренцию, на Мальту, в тепло начинающегося бархатного сезона.

В номере он первым ушёл принимать душ и когда после она появилась перед ним в купальном халате, на маленьком столике сверкали бокалы с коньяком на доньшке, сыр тонкими ломтиками и ломкими кусочками ароматно манил к тарелке, глубоко и таинственно мерцал виноград. Вроде ничего особенного, но КАК это было расставлено! Как несколько простых предметов на столе только способом сервировки могут создать особую атмосферу роскоши и экстраординарности?

Меньше, чем через час, они продолжили пить коньяк. Влад задумчиво водил пальцем по изгибам её тела, время от времени отворачиваясь, чтобы уронить пару капель коньяка на язык с края высоко поднятого другой рукой бокала.

“Тебе уже приходилось расставаться с близким человеком?”

“У тебя кто-то умер?”

“Нет, не умер, но это не имеет значения. Если человек живёт в Аргентине или на соседней улице, но ты его никогда не видишь, для тебя он, в общем, умер”

“У меня пока не было настолько близких людей. В смысле посторонних, я не имею в виду отца и бабушку”

“Я не об этом, если ты догадываешься”

“Думаю, это тяжело”

“Тяжело? Ты ошибаешься. Таких слов нет. Невыносимо, катастрофично, безумно, трагично, сдохнуть хочется – что-то в этом роде, но ни одна вербализация не выражает смысла произошедшего”

“А почему Вы расстались?”

”Странно, что ты об этом спрашиваешь, обычно принято щадить чувства того, кто поделился своими страданиями”

“Я думала, ты хочешь рассказать”

Влад хмыкнул и допил коньяк.

* * *

Со стороны их роман мог показаться странным. Никакой привязанности, нежности или тем более любви между ними не просматривалось. Они появлялись вместе на артистических, литературных, всякого рода богемных тусовках, иногда путешествовали. Шло время, но отношения никак не развивались, они словно застыли в стоп-кадре, который перемещался внутри событий и интерьеров. Единственное, что было неожиданным, это то, что Мила оставалась в Санкт-Петербурге вопреки обыкновению, слякотной погоде и полному отсутствию какого бы

то ни было занятия. Для неё в этой истории хуже всего было понимание, что она, кажется, влюбляется во Влада. Вот этого делать совершенно не стоило. Но, кто и когда спрашивал своё сердце – можно влюбляться в кого-то или нет? Время от времени он обращался с ней пренебрежительно, часто говорил колкости и довольно зло подтрунивал. Болезненно неприятной была его язвительность по поводу её внешности, манер и синдрома ПП – “примитивной простоты” как он это называл.

Да, возможно ей следовало похудеть и заняться шейпингом, но она ела пирожные и занималась шопингом. Она знала, что плотное телосложение ей досталось от отца и это её природа, как папа говорил – это наша конституция. Свою мать она видела только на фотографиях. Умершая в родах, она оставила мужа с новорожденной дочерью, отец так никогда и не женился. Мила подозревала, что у него были любовницы, но оснований для подозрений было не много. Если отец был в Питере, то всегда ночевал дома и редко задерживался допоздна. По окончании “десятилетки” при консерватории окончательно стало ясно, что музыкантом Мила не будет, и тогда отец отправил её с начала в Хельсинки, потом в Стокгольм. Она изучала скандинавские языки и это было особенно трудно, ведь каждый из них был весьма специфическим и принадлежали они к разным языковым группам, а значит основывались на разной логике и ментальности. Но ей было интересно, хоть и занималась она не слишком усердно. Учёба не была её сильной стороной, да и она бы не смогла вот так сходу назвать свои сильные стороны. Казалось, их нет. “Моя сильная сторона – деньги моего папы”. Противно? Но чистая правда. Со временем она смирилась с ЭТОЙ своей сильной стороной и даже начала находить определённую прелесть в том, чтобы просто путешествовать, знакомиться с жизнью и культурой разных стран и не задумываться о том, что будет завтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.